

Над водной гладью безмолвно мерцали сотни фонариков, в северной части озера при храме Нефритового ветра царила глубокая тишина.

Все, включая Цюй Яньси и Цзян Синчжи, уже разошлись. Остались лишь двое юных послушников из внешних учеников: они поправили ему одеяло, коснулись лба, проверяя жар, и, убедившись, что ему лучше, улеглись спать прямо за дверью.

Нань Суминь, прислушиваясь к журчанию воды за стенами своей обители — павильона Огранки нефрита — и к прерывистому храпу, доносившемуся из соседней комнаты, чувствовал, как мысли путаются в смятении. Его тревожило и одиночество в этом чужом месте, и внезапно нахлынувшие воспоминания о жизни, которая казалась лишь призрачным сном.

В полдень он машинально спросил: — Где же наставник? — и во всем павильоне воцарилась гробовая тишина. Никто не решался ответить, пока юноша в черном, Ци Сан, не покраснел от волнения и не произнес с ноткой недоверия:

— Неужели ты... и правда не знаешь?

Нань Суминь застыл, чувствуя, как перехватывает дыхание. Даос в одеянии цвета нераспустившегося лотоса по имени Нань Хуай был тем, кто чаще всего появлялся в его чужих воспоминаниях, единственным, рядом с кем прежний Нань Чичжи чувствовал себя в безопасности.

Сознание на миг отстранилось, и он вдруг осознал, что он — всего лишь Нань Суминь. Никакой он не глава, и этот наставник ему вовсе не родной. Придя в себя, он даже не мог понять, почему вопрос сорвался с губ сам собой.

Ци Сан осторожно поинтересовался:

— Твой последний выход с горы три месяца назад... куда ты ходил, с кем, кто привел тебя обратно... ты помнишь?

— ...

Вновь нахлынула знакомая головная боль. Он сжал переносицу, нахмурившись, и Цюй Яньси, бросившись к нему, поддержала его за плечи. Ее голос дрожал:

— Старший брат, я побегу за лекарем... лекарь!

Нань Суминь уже почти привык к этой боли. Немного переждав, он остановил ее жестом и усмехнулся:

— Успокойся, со мной все в порядке. Просто... видимо, от жара совсем разум помутился. О чем вы говорите — я ничего не помню.

Превозмогая слабость и боль, он осторожно ответил им так, как поступил бы Нань Чичжи — не только чтобы не навлечь на себя неприятностей, но и из уважения к тем обрывкам памяти, что теперь жили в его голове.

Цюй Яньси, Ци Сан и Цзян Синчжи выросли вместе с Нань Чичжи, их связывали годы дружбы. Если бы он прямо сейчас признался, что в этом теле теперь живет кто-то другой, а прежний хозяин неизвестно где скитается неприкаянной душой... у него просто не хватило бы духу так поступить.

В этих тягостных раздумьях, не зная, сколько прошло времени, он наконец провалился в беспокойный сон. Ему снились то родители, то друзья, с которыми он шел плечом к плечу, то невиданные им прежде горные пейзажи и ясные весенние дни. Время от времени на лоб ложилось холодное полотенце, забирая жар, и сон становился чуть спокойнее.

Наконец забрезжил рассвет, и первая, самая тяжелая ночь осталась позади.

На второй день погода стояла прежняя. Солнце зависло в зените, лотосы распустились лениво, даже птицы и насекомые не желали подниматься высоко в небо.

Все-таки молодость брала свое: жар у Нань Суминя почти спал. Он выпил чашку жидкой рисовой каши — пусть половину и пришлось вернуть, но хоть что-то осталось внутри. А если еда усваивается, значит, будет жить.

К вечеру дух его окреп. Цюй Яньси и Цзян Синчжи отпросились из академии, чтобы составить ему компанию. Они болтали о прошлом, и когда речь заходила о том, что Нань Суминь помнил, он лишь сдержанно кивал, подражая Нань Чичжи. Если же нет — просто улыбался.

Цюй Яньси принесла из своего жилища в Цинсичжу несколько веточек форзиции и поставила в фарфоровую вазу. Ярко-желтые, пышные, они были такими же живыми и нарядными, как и ее платье, словно она хотела добавить красок в его мрачный павильон.

После лекарства они вдвоем помогли ему прогуляться по мостикам павильона. Аромат лотосов на ветру прояснил мысли, остатки тумана в голове почти развеялись. Нань Суминь понял: пока он не пытается воскресить в памяти размытые образы, скрытые глубоко в печатях сознания прежнего хозяина, пронзительная головная боль не возвращается. Они сидели на краю мостика, а он слушал их смех, глядя, как вечернее солнце золотит воду и окрашивает небо в багрянец.

Время текло мирно и безмятежно, и Нань Суминь не мог найти причин для недовольства. Если бы те двадцать с лишним лет воспоминаний не были такими отчетливыми, он почти начал бы сомневаться: а не выдумал ли он эту жизнь, не приснился ли ему этот сон?

Но он постоянно твердил себе: он здесь чужой.

Он не решался думать о том, что случилось с его настоящим телом, и заставлял себя верить в лучшее: может, душа хозяина того тела уже переместилась сюда и теперь ломает голову над матанализом, пребывая в еще большем недоумении. А может, этот мир — лишь затянувшийся сон, и, проснувшись, он снова станет Нань Суминем, беззаботным студентом третьего курса, который позвонит родителям, чтобы рассказать о странном сновидении, пошутит с друзьями в общежитии и договорится посидеть в шашлычной... А перед сессией он будет выпрашивать у преподавателя пару баллов, чтобы не вылететь из-за пропусков лекций.

И тут же он подумал: он даже не попрощался с теми, кто ему дорог, прежде чем его внезапно выбросило в этот мир.

Посмотрев на закат, Нань Суминь постарался очистить мысли и обрести покой.

Девушка рядом с ним была яркой и живой, она щебетала о чем-то забавном из жизни академии. Всем внутренним ученикам трех сект, пока они молоды, запрещено покидать горы. Их отправляют в Академию в сердце озера, где они изучают основы — заклинания, классические тексты, историю и географию, — пока не будут готовы к самостоятельным заданиям от пика Мечей.

Академия находилась как раз посреди озера, а павильон Огранки нефрита — совсем рядом, на северном берегу. Цюй Яньси рассказывала, что все две недели, пока Нань Суминь лежал без сознания, она каждый день приплывала на лодке, оставаясь с ним, если была возможность, или срываясь обратно на лекции — прямо как сам Нань Суминь когда-то на парах.

Они беседовали еще какое-то время, когда двое послушников, прислуживавших в павильоне, прибежали из главного зала, в смятении обращаясь к ним:

— Старший брат, из павильона Цзянфэн... прибыл старейшина Цзян Юньцзяо!

<http://bllate.org/book/19119/1877631>